

*Индира Заринова***ФЕНОМЕН РЕАЛЬНОГО ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ:
СУЩНОСТЬ И СПЕЦИФИКА**

Кажется почти закономерной обращенность XX века к проблеме конструктивных форм. Впервые – в еще нечетком варианте – мы встречаемся с этой проблематикой, читая Альберта Швейцера. Самому Швейцеру удалось наполнить идею конкретикой лишь незначительно. Это и было причиной того, что ее вновь забыли (как не раз бывало в истории человечества). Между тем история показывает, что любой мировоззренческий кризис сопровождается появлением фигур, культивирующих именно реальное философствование. Таковы Сократ, Монтень, Декарт, Киркегор, Ницше, Шестов, Рубинштейн, Кастанеда, Гроф и многие другие.

У Мераба Константиновича Мамардашвили мы видим уже концепцию конструктивных форм и сам термин «реальная философия».

Следуя ей, он вспоминает первую свою встречу с силой конструктивной формы, – это ритуальный плач, смысл которого подростку, которого привезли на похороны, был тогда непонятен. Лишь спустя годы Мамардашвили пишет в «Лекциях по античной философии»: одно было бесспорно – сильное массовое воздействие на чувствительность переводит человека, являющегося свидетелем или участником такого ритуала, в какое-то особое состояние; оказывается, что эта форма, это «машина», например, ритуальный плач, переводит нас в другой режим жизни – в режим бытия [1].

В бытийное пространство человек попадает только благодаря наличию таких конструктивных форм. Они многочисленны: народные традиции, богослужение, театр, книга, семинар – можно продолжать до бесконечности. Но главное, что хотелось бы подчеркнуть: понятие «реальная философия» было выдвинуто М. Мамардашвили исходя из того, что кроме философии систем, существует еще философия как **техника самоконструирования человека как свободной личности**.

Реальная философия тем более важна, поскольку современная, порубежная эпоха породила феномен деантропологизации. О человеке деантропологизированном (живущем в эпоху чуть ли не тотального разрушения конструктивных форм) мы знаем немало, ибо сталкиваемся с ним повседневно: и в литературе (достаточно вспомнить героев Ф. Кафки, Р. Музиля, А. Платонова, Ч. Айтматова), и в изобразительном искусстве (полотна О. Целкова, Е. Березикова и др.), и в жизни (если, конечно, задумываемся над тем, что мы из себя представляем). Картина вырисовывается прямо-таки зловеще-фантастическая. Профессор Б. Исаков из Москвы определил этот тип человека как

«хомо олигос», «хомо дебилус» – человек ослабленный, расслабленный, т.е. донельзя переутомленное, рассеянное существо, не способное на какое-либо усилие и не понимающее, что происходит в нем самом и вокруг него. На важнейшие проблемы бытия этот человек может ответить лишь... рефлекторно – как мы обычно реагируем на укус комара или едущий наперерез автомобиль. Вдуваемся: пространство бессмыслия, а в нем – реакции, словно на неосторожно прижатую мозоль, работа лишь смысловых клише, заготовленных впрок... Это последствие – лишь имитация сознания, имитация Пути.

Первым в XX столетии о деантропологизации заговорил А. Швейцер. Понятие «антропная катастрофа» ввел М. Мамардашвили. И тот, и другой думали, что необходимо сделать, чтобы преодолеть этот деантропологический кризис. А. Швейцер выдвинул концепцию «благоговения перед жизнью», к которой относил и стоицизм... И всё это назвал «элементарным мышлением»: мышлением по ходу жизни, а не вне её. Мамардашвили также не уставал повторять (особенно в «Картезианских размышлениях», в «Кантианских вариациях», в «Психологической топологии пути», в «Эстетике мышления»), что главное лекарство от нашей болезни – правильное (грамотное) мышление, которое связывал с понятиями «Пути» и «второго рождения».

Что мы вкладываем в понятие «Путь»? Это легко определить, заметив, что личностный рост, духовный слой сознания, реальная философия, Путь, «второе рождение» – понятия синонимичные.

Со времен возникновения даосизма Путь означен как начало космическое, как глубинный ритм Вселенной, которому может следовать человек, исповедующий в своей жизни те принципы, что яростно отвергает социум.

Что же это за принципы? Что за правила? И почему понятие Путь мы обозначили большой буквой? Надо сказать, что в древности слово «путь» обычно употреблялось так, что у слушателей и читателей невольно возникало желание либо написать его с большой буквы, либо (если ты неграмотен) произносить с придыханием. Слово это несло большой смысл: Путь как нечто ведущее к спасению или овладению собой и прекращению слепого вращения в жизненном водовороте.

Итак, Путь – это выход из темноты впечатлений, из темноты существующих обычаев-стереотипов, из темноты социального строя, из темноты массовой культуры – к истинам, которые освобождают человека от страстей и пороков.

Принцип великодушного приятия реальности – один из ключевых принципов Пути. Наиболее трудный для понимания, а главное – для укоренения в повседневье. Вообще язык реальной (а не книжной) философии – это язык образов и мудрых форм поведения. В одной английской пословице данный принцип представлен так: принимайте нас такими, какими находите, но оставляйте – лучшими. Невероятно трудная задача. Об этом писал М. Мамардашвили, приводя в пример Декарта [2].

Для приятия реальности необходим ряд условий – подпринципов. Один из них хорошо прописан в индийской библии – Бхагавад-Гите: это равновесие ума, достигаемое отрешенностью от чувства собственной важности.

В нашем повседневье этого спокойствия ума можно достичь частично (об идеале и не мечтаем) через молитвы (если вы человек верующий) или через медитации. Есть и другие способы (увы, все они, повторяю – лишь с частичным эффектом): общение с природой, высоким искусством, духовно богатыми людьми, иногда – с детьми.

Следующее условие – формирование самоотрешенного слушания. Мы должны приучить свою душу, внимая словам и разговорам других людей, безмолвствовать. Мы должны заставить умолкнуть любое проявление согласия или возражений в момент слушания.

Вышеизложенное подводит к мысли, что одним из важных условий культивирования приятия является усилие. Мамардашвили не уставал повторять «Жизнь – это усилие во времени».

Еще одним принципом является принцип смирения. Он хорошо прописан в дневниках Л.Н. Толстого: «Дорогой думал: как бы приучить себя, встречаясь с людьми, ожидать от них унижения... чтобы они унизили тебя, оскорбили, поставили в неловкое положение, а ты был бы добр к ним. Только один раз вышло».

Не менее важным принципом является принцип недеяния (центральное понятие даосизма). Оптимальное определение данного понятия: деятельность без нарушения меры вещей.

Трудно привыкнуть к мысли, что человек не дан, а воссоздается вновь и вновь усилием каждого дня. Что наше становление – это многократное прохождение Пути от ничтожности к величию. Многократное возобновление «вновь и снова» с помощью культивирования принципов Пути. И без такого становления мы мертвы. Даже несмотря на телесный благополучный вид и улыбку в тридцать два зуба.

Что нам мешает мыслить? Каковы факторы, препятствующие «второму рождению»?

Говоря о *структуре отобъяснения*, Мамардашвили вспоминал показательный пример из собственной биографии. Комсорг группы «прорабатывал» его прямо на улице, да так «увлеченно», что не заметил нищего малыша. Почему? А потому, что в голове комсорга уже была *схема*: на первой стадии коммунизма равенства нет, а значит, бедных можно не замечать как «вопиющий факт».

Со *структурой отождествления* философу также пришлось столкнуться в жизни. Его попросили прочесть беседы-лекции гаитянкам. И он с удивлением обнаружил, что со схемой «есть бедные и богатые, а чтобы не было бедных, нужно уничтожить богатых» эти милые студенты никогда не расстанутся, потому что мир сложен, человек ленив, и если найдена легкая схема объяснения, она тут же срастается с чувством уважения человека к

самому себе. С этим чувством расстаться очень трудно, если нет намерения пройти Путь. А на такой подвиг решится далеко не каждый.

Что касается *структуры присутствия*, то Мамардашвили иллюстрирует ее так: присутствие, к примеру, любимой женщины, о которой ты знаешь правду, но ее несомненное очарование смягчает правду и оттесняет куда-то очень далеко. Присутствие есть один из механизмов эмоционального и духовного рабства, оно помогает не видеть правды.

К «врагам» Пути относятся также *лень, страх и надежда*. И о них повествует Мамардашвили, используя тексты «В поисках утраченного времени» Марселя Пруста и «Божественной комедии» Данте.

Рассмотрим теперь **характерные черты** реального философствования.

Первым условием реального философствования и М. Пруст (метафизик от Бога) и М. Мамардашвили считали принцип *ангажированности (вовлеченности)*. Грузинский Сократ писал в «Картезианских размышлениях»: «Увы, из наблюдающего и что-то прикидывающего никогда ничего не возникало. Возникало иначе и совсем из другого». А поскольку это «прикидывающее» и «наблюдающее» Пруст видел в дружбе, то по поводу последней отзывался пессимистически. Он говорил, что в дружбе отсутствует риск, нет личной опасности, а значит, она меньше обогащает душу и мысль, чем даже самая низкая, самая сексуальная любовь к женщине, которая – вроде бы – никакого отношения к миру идей не имеет. И как ни странно – именно поэтому может тебя больше обогатить, потому что обогащают нас только те испытания, которые с риском нами были проделаны.

Следующим важным принципом бытийного философствования, на наш взгляд, является *недеяние* (в европейской традиции – амехания, рефлексия). У Пруста уже в первом томе эпопеи есть замечательная зарисовка, когда доктор Перспье, усадив Марселя рядом с кучером, дал ему возможность «не болтать», а созерцать знаменитые колокольни: две мартенвильских и вьевикскую, которые, вызвав в нем необычайную радость, дали возможность понимания проблемы знаков и их расшифровки. В состоянии (именно!) недеяния.

Лишь в недеянии возможен феномен «второго рождения». Это, вероятно, одна из закономерностей экологии Духа. А сколько их – неостребованных современным обществом. Но то, что по всему миру (пусть в незначительном количестве «живых точек») происходит процесс «прустификации», вселяет уверенность, что будущее – будет. Нарушение принципа недеяния иногда принимает крайние формы – то, что Мамардашвили называл «пляской св. Витта». В состоянии этой пляски при всем желании ничего понять невозможно. Вообще правилен, пожалуй, совет Грузинского Сократа: выяснять отношения бесполезно, надо выпасть из них.

Третья черта реального философствования – *текст как инструмент*.

Пруст доказал (а не только показал) своим романом, что текст – это инструмент, необходимый для распутывания ситуации собственной слепоты.

ты, в которой мы пребываем. Текст помогает прийти к двум великим вещам, с которых, собственно, и начинается Путь к реальности «второго рождения»: к сомнению и к отступу (остранению, по Шкловскому). Именно они дают шанс (а не стопроцентную гарантию) расшифровать впечатления и выйти к «шелесту подлинной жизни» (М. Пришвин). Мамардашвили рассуждал на одной из лекций «Психологической топологии пути»: «Радикальное сомнение. Черты этого сомнения мы уже видели по тому, как я пытался описать отношение Пруста к тому, что он называет реальностью. Реально или реальнее всего то, чего как раз нет, эмпирически нет». А отступ? Отступ – я отступил в сторону. И всё, что раньше казалось очевидным, стало под знак вопроса. Не срезав психологическое и социальное «я» через сомнение и отступ, невозможно приблизиться к реальному философствованию, ведущему к феномену «второго рождения». Конечно, сделать это трудно. Мамардашвили – плоть от плоти человек «работающей цивилизации» (термин А. Камю) – это понимал. И призывал: срежьте хотя бы мысленно. Помощником в этом трудном деле является то, что Сократ из Грузии называл «быть шпионом неизвестной родины», а Декарт определял как «выступаю в маске». Реальное философствование может быть инициировано только из точки абсолютного остранения, которая достигается (в том числе) через «шпионство» и «масочность». Мамардашвили в шестой лекции «Топологии» подробно раскрывает тему «шпионства»: «Такое положение, что мы как бы должны быть шпионами. Представьте себе человека-шпиона с выставленными антеннами подозрения. Почему шпионы? Да потому, что всё, как мы теперь поняли, – частично, всё перед нами – тайна и всё – ключья. И из этих ключев мы должны читать (вполне шпионское занятие) истину» [3]. Реальное философствование *спонтанно и не тематично*. Реальный философ движется не по логике интереса и не по логике необходимости (надо статью сдать, диссертацию защитить), а по логике притягательности (термин Г.С. Батищева): ему – как героям Достоевского – надо мысль разрешить, а иначе и жить не стоит. У реального философа четкая интенция на бытийно-личный эксперимент.

Реальное философствование есть также и *постмодерн*. Оно текстуально характеризуется определенными признаками. Один из них – органичность языка, другой – его образность, метафоричность. А третий признак реального философствования – если его рассматривать текстуально – это все черты литературного постмодерна: вариативность, незавершенность, обрывчатость, приглашение читателя в соавторы и т.п.

Следующая примечательная черта реального философствования – культивирование принципа *держания (усилия)*. Любой фрагмент реального философствования – это, по существу, фиксация «кванта» «живой мысли», а его, как известно, положить в карман в качестве результата нельзя – тут срабатывает «синтаксис молнии». То, что произошло, надо держать, а, если выронил, – возобновлять вновь и снова.

В работах Мамардашвили последнего десятилетия эта проблематика занимает особенное место. В текстах постоянно встречается: «Действительный рост происходит в натюрморте Сезанна, если мы удерживаемся в нем»; «Усилим воли заставь себя держать бытийную непрерывность»; «Нечто, родившееся однажды и впервые, должно и может родиться “вторым рождением”».

Уже на вторых чтениях, посвященных памяти Мамардашвили (1994), промелькнул очень интересный доклад В. Визгина «Держание: метафорика и смысл». Визгин с подачи Мамардашвили считает Марселя Пруста держателем самых трудноуловимых качаний сознания. Держание – элементарный долг мыслящего по отношению к мысли. «Назвался груздем – полезай в кузов». Держание мысли – профессиональное требование к философам, – продолжает свою мысль Визгин. И Мераб Мамардашвили выполнил этот долг сполна. Он умел держать мысль, умел держать себя и поддерживать других. «Щедрости сердца, – говорит В. Визгин, – как и силы мысли, ему было не занимать. А это верный признак больших держателей». А они, – добавлю я, – все как один – *реальные философы*.

Реальное философствование невозможно без четкой интенции на *проработку впечатлений*. Мы реализуем себя именно через проработку оных. Пруст говорил, что был глупцом всю свою жизнь (до 35), ожидая, что истина есть нечто сообщаемое прямым образом – словами. Оказалось, что истина раскрывается в процессе расшифровки знаков (знамений).

Жиль Делёз писал: «В действительности “Поиски утраченного времени” есть поиски истины» [4]. Независимо от того, что говорит Альбертина Рассказчику – Марселью (главного героя «В поисках...» тоже зовут Марсель), у него есть «впечатление от качества ее голоса, и от того, что она покраснела...». И это надо расшифровать. Иногда для расшифровки требуются ряд знаков-знамений: как запах уборной (продумывание не доведено до конца, до смысла – почему мальчика так волнует эта сырость?) повторяется комнатой «женщины в розовом», а потом это повторяется переживанием героем любви Свана и Одетты и наконец – «сцены собственной любви к Альбертине». И только тогда Марсель-Рассказчик обрывает эту бесконечность пониманием Смысла, мы осознаём, что эта бесконечность и есть ад! В этом аду не хочет и не может жить реальный философ. Поэтому его формообразующее начало – воля к расшифровке закономерностей, стоящих за фактами, воля к смыслу, воля к истине.

Несколько слов о *проблеме эквивалентов*. Мамардашвили, вслед за Прустом и Пастернаком, был убежден, что метафора есть не только устройство художественного воображения, но и что-то, происходящее в жизни. Вспомним пример с «Франсуа-найденышем» (книга Жорж Санд): одна вещь (памятная ночь с матерью) «вложена» в другую – книгу, которая здесь выступает в качестве эквивалента.

То, что под нами, т.е. всё прожитое, пережитое, зачастую неосознанное (обращая внимание – «под нами» – такова формулировка и Пруста, и Мамардаш-

вили), выворачивается в виде эквивалентов наружу. Если взять Пруста, то через 30-70 страниц текста романа видна эта «эквивалентная проблема» реального философствования. А наше соотнесение с эквивалентами (опять-таки пример с «Франсуа-найденшем») есть выпадение человека из прилегающих к нему жизненных обстоятельств и поддержание какого-то *вечно живого состояния*.

Каковы структуры, плодотворные для трансформации сознания?

Общеизвестна мысль Паскаля «Агония Христа длится вечно, и в это время нельзя спать». Очень образное определение «длящегося акта» (термин Мамардашвили). На уровне интуиции многие из нас знают, что существуют вещи, которые не случились, а случаются. То есть в нашей душевной жизни мы не можем принять эти события как свершившиеся, а должны считать себя внутри их – как совершающиеся. Такие структуры очень плодотворны для рождения-в-Духе (в англо-американской традиции – в особенности в юнгианских исследованиях – «трансформации»).

М. Мамардашвили на протяжении многих лекций «Психологической топологии пути» возвращался к этой теме. Вообще его интересовали структуры, которые плодотворны для трансформации сознания, а значит – и личности. Например, его интересовала структура «представить себе другую жизнь». Не менее заинтересован он был в структурах, мешающих прохождению Пути. К примеру, такова структура ожидания. Длящийся акт он относил именно к «друзьям Пути», т.е. к факторам, способствующим Спасению (если употребить здесь религиозный термин).

Реальное философствование есть *пространство прохождения Пути*. В процессе реального философствования культивируются принципы («друзья») Пути и отслеживаются (сталкинг – по Кастанеде, трезвение – по православной аскетике) факторы, препятствующие прохождению Пути. Среди них, как известно, наиболее серьезные (в смысле трудности преодоления) – органические связи, структура ожидания, феномен присутствия, надежда... Органические связи – вот наиболее уязвимая наша пятая. Мы не умеем держать одиночество. А структура ожидания вообще лишает нас контакта с Реальностью. Ведь реальность – это всегда другое. И прийти к нему перебором облаков; как сказал бы Пруст, просто невозможно.

Феномен присутствия – тоже сложный враг. М. Мамардашвили пишет во второй лекции «Топологии»: присутствие есть один из механизмов эмоционального и духовного рабства, оно помогает нам не увидеть правды. Ведь присутствие любимого человека, о котором мы мыслью знаем правду, трансформирует эту правду до неузнаваемости влиянием – так называемого – очарования любви. О надежде и говорить нечего. Мы готовы вновь и вновь стучатся в окошко черствого сердца, стараясь хоть немного размягчить его. И – тем самым – теряем Время.

Нам не хватает расширения души. Проблема узких и широких душ, сжимания и разжимания души... Мы страшны в любви, если хотим вла-

деть. Пруст отчетливо понимал, что именно привязанность к предмету владения влечет смерть владельца. И, конечно же, помнил фразу Аристотеля, что причина, почему мы любим, гораздо важнее объекта любви. Действительно, любя человека, мы любим в действительности нечто другое. Как поздно эти истины доходят до нас. В нас отсутствует культура бытия. Мы большую часть жизни пребываем в тумане майи. Ибо сила бытия требует героизма со стороны человека, пытающегося попасть в бытие. А кому охота «напрягаться»?

Нужно вытягивать себя из вещей, которые нас убивают. Вытягивать из повседневной рутины, небытия. Это сложно, трудно, но, поверьте, возможно. И помощь тут – не только Пруст, Мамардашвили, но и, к примеру, православная аскетика. Кстати, Пруст цитирует в письме Жоржу де Лорису Евангелие от Иоанна (12, 35): «Трудись, пока есть свет». Цитата не точна (хотя это та неточность, которая многого стоит!). В Евангелии сказано: «...ходите, пока есть свет, чтобы не объяла вас тьма». А все-таки (хоть это и кощунственно звучит) у Пруста лучше: *трудитесь*.

Примечания

1. См.: Мамардашвили М.К. Лекции по античной философии. – М., 1997. – С. 15.
2. Об этом см. также: Зорин В., Зарипова И. Мудрость – любовь моя. – Акмола, 1996. В качестве примера здесь приведена знаменитая притча дзен-буддизма о Хакуине.
3. Мамардашвили М.К. Психологическая топология пути. – М., 1997. – С.78.
4. Делёз Ж. Марсель Пруст и знаки. – СПб., 1999. – С. 40.

Түйін

Зарипова И.А. Философиямен шынайы айналысу феномені: мәні мен ерекшелігі

«Шынайы философия» феномені туралы ұғымды М. Мамардашвили ұсынған. Ол философия жүйесінен басқа адамды еркін тұлға ретінде құрастырудың техникасы ретіндегі философия да бар екенін ескереді.

Кез келген дүниетанымдық дағдарыс, тарих көрсеткендей, шынайы философиямен айналысуды дәріптейтін фигуралар: Сократ, Монтень, Декарт, Киркегор, Ницше, Шестов, Рубинштейн, Кастанеда, Мамардашвили, Батищев, Померанц, Грофтардың болуымен қатар келеді. Қазіргі күні біз сондай дүниетанымдық дағдарысқа кездестік, өмірдің өзі данышпандықты (философиямен шынайы айналысудың синонимдерінің бірі) өзектендіруге итермелейді.

Summary

Zaripova I.A. Real Philosophy Phenomenon: Essence and Specific Features

The concept “real philosophy” was introduced by M. Mamardashvili who considered that besides philosophy of systems there are philosophy as a technique of self-construction of man as a free person.

The history shows that any world outlook crisis is accompanied by figures cultivating real philosophizing: Socrates, Montaigne, Descartes, Kierkegaard, Nietzsche, Shestov, Rubinstein, Castaneda, Mamardashvili, Batishev, Pomerants, Grof. It is well-known fact that we now live in such world outlook crisis that life itself makes us actualize wisdom (one of the synonyms of real philosophizing).

